

Историография и новые источники о роспуске компартии Западной Беларуси

А. А. Савич

Для цитирования: Савич А. А. Историография и новые источники о роспуске компартии Западной Беларуси // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 3. С. 962–974. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.316>

В статье исследуется белорусская историография роспуска компартии Западной Беларуси как составной части компартии Польши в 1938 г. решением Исполкома Коминтерна в связи с подозрением в проникновении в них вражеской агентуры. На основании широкого круга историографических источников, с привлечением новых архивных документов, учитывая позиции российских и польских исследователей, автор анализирует процесс возникновения и трансформации подходов и оценочных суждений историков БССР по указанной тематике, отмечая обусловленность формулировок исследователей 1930-х — первой половины 1950-х гг. официальной советской версией обоснованности роспуска компартий Польши и Западной Беларуси как агентов Пилсудского. Политическая реабилитация компартии Польши в 1956 г. содействовала активизации исследования истории компартии Западной Беларуси, однако существенного развития темы роспуска не последовало ни в 1960–1980-х гг., ни в период Республики Беларусь. При этом не было исследовано организационное состояние коммунистических организаций в Западной Беларуси в 1930-х гг., не предпринимались попытки системного выявления контактов членов компартии Западной Беларуси с польской полицией и дефензивой. Выявленные архивные документы свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии коммунистических организаций, низкой партийной дисциплине, тайных контактах рядовых партийцев и руководящих работников с дефензивой и польской полицией. Существенным успехом польских спецслужб в середине 1930-х гг. было фактическое разложение коммунистического подполья Западной Беларуси из-за массового проникновения агентов польских спецслужб в коммунистические организации вплоть до сельских ячеек. Осуждая репрессивную сущность и незаконность роспуска компартии Западной Беларуси как составной части польской компартии, автор статьи отмечает, что разноплановая информация о наличии в компартии ненадежных элементов (главной черте ее организационно-кадрового состояния) по разным каналам доходила до высшего советского партийно-государственного руководства, требуя учета реальности наличия враждебных элементов в компартиях Польши и Западной Беларуси в условиях обострения международных отношений в Европе.

Ключевые слова: коммунистическое движение в Западной Беларуси, роспуск компартии Польши, историография, источники.

Александр Александрович Савич — канд. ист. наук, доц., Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, Республика Беларусь, 224016, Брест, бул. Космонавтов, 21; uleks@tut.by

Aleksandr A. Savich — PhD in History, Associate Professor, Pushkin Brest State University, 21, bul. Kosmonavtov, Brest, 224016, Republic of Belarus; uleks@tut.by

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

Historiography and New Sources about the Dissolution of the Communist Party of Western Belarus

A. A. Savich

For citation: Savich A. A. Historiography and New Sources about the Dissolution of the Communist Party of Western Belarus. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 3, pp. 962–974. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.316> (In Russian)

The article is aimed at studying the Belarusian historiography on the dissolution of the Communist Party of Poland and its constituent part — the Communist Party of Western Belarus in 1938 by a decision of the Executive Committee of the Comintern on suspicion of penetration of enemy agents. On the basis of a wide range of historiographical sources, including archival documents, the author reveals the emergence and transformation of the approaches and critical views of historians of the BSSR on this topic, taking into account the positions of Russian and Polish scholars and the determination of the judgments of the researchers of the 1930s — the first half of the 1950s by the official Soviet version of the validity of the dissolution of the communist parties of Poland and Western Belarus as agents of Piłsudski. The political rehabilitation of the Communist Party of Poland in 1956 contributed to the intensification of the study into the history of the Communist Party of Western Belarus, but there was no significant extension of the topic of dissolution either in 1960–1980 or during the period of the Republic of Belarus. At the same time, the organizational status of the communist organizations in Western Belarus in the 1930s has not been explored, and no attempts have been made to systematically identify the contacts with the Polish police and the Polish security service. The research identifies archival documents of the Communist Party of Western Belarus and Polish state bodies, including the state police, which testify to the unsatisfactory state of the communist organizations, low party discipline, as well as secret contacts of ordinary party members and leading workers with the security service and the Polish police.

Keywords: the communist movement in Western Belarus, Dissolution of the Communist Party of Poland, historiography, sources.

В 1920–1930-х гг., после захвата западнобелорусских земель Польшей в ходе советско-польской войны и заключения Рижского мирного договора, созданная в 1923 г. компартия Западной Белорусии (КПЗБ) имела значительную поддержку местного населения и, используя организационно-финансовую поддержку Советской страны, добилась значительных успехов в организации «революционной борьбы за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР»¹.

Несмотря на это, КПЗБ, как составная часть компартии Польши (КПП), была распущена в 1938 г. решением Исполкома Коминтерна в связи с обвинениями в проникновении в руководящие звенья польской компартии «агентов польского фашизма». В санкционированном И. Сталиным документе высшей инстанции Коминтерна утверждалось, что «пилсудчики вливали в коммунистическую партию своих шпионов и провокаторов под видом оппозиционных элементов, переходящих в ряды коммунистического движения»². Известно, что роспуск названных компартий готовился на протяжении нескольких лет, в ходе которых их руководство, а также лидеры сотрудничавших с коммунистами национальных организа-

¹ За правильное освещение истории Компартии Западной Белоруссии // *Коммунист*. 1964. № 8. С. 68–79.

² Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн, 1919–1943: документы. М., 2004. С. 758.

ций были арестованы в СССР, обвинены в шпионской деятельности в пользу Польши и репрессированы на основании сфабрикованных НКВД данных.

Яркой иллюстрацией действий сталинской репрессивной машины по отношению к бывшим организаторам и участникам революционного движения в Западной Беларуси, в первую очередь к членам КПЗБ, героизированных в 1920–1930-х гг. на страницах периодических изданий БССР, являются протоколы допросов Б. Тарашкевича и А. Ульянова. В них фигурируют «чистосердечные признания» ключевых фигур белорусского движения в участии в националистических организациях и агентурных связях с польской разведкой³. Разного рода нюансы и детали внутрипартийных разбирательств и «чисток» в КПЗБ содержат многочисленные архивные документы, хранящиеся в том числе в Российском государственном архиве социально-политической истории⁴.

Под воздействием такого рода материалов, идейно-политические обстоятельства которых при внимательном рассмотрении раскрывают существовавшие белорусско-польские противоречия в КПЗБ⁵, историография КПЗБ 1930–1940-х гг. сузилась до нескольких публикаций, в которых роль партии в революционной борьбе и деятельность партии замалчивались, а восхваление героизма и стойкости западнобелорусских коммунистов в публикациях 1920-х — начале 1930-х гг. сменилось их игнорированием. Основной упор делался на утверждения о «пролезших в КПЗБ буржуазных националистах» и «провокаторских элементах» под руководством польской дефензивы⁶, о методах Пилсудского по разращению и разложению КПЗБ и революционных организаций изнутри «путем опутывания их сетью провокации»⁷, о том, что пилсудчики создавали своим агентам популярность в массах для их «гносной предательской работы»⁸.

³ Валахановіч А. І., Міхнюк У. М. Споведзь у надзеі застаца жывым: аўтабіяграфія Браніслава Тарашкевіча. Мінск, 1999; Илькевич Н. Н., Платонов Р. П. Александр Ульянов и версия НКВД об антисоветском подполье в БССР (фальсификация органами НКВД уголовных дел в 1937–1938 гг.). Минск, 1997.

⁴ Переписка Представительства КПП при ИККИ с Представительством КПЗБ о переводе членов КПЗБ в ВКП(б), об устройстве политэмигрантов из Западной Белоруссии и студентов Белорусского сектора КУПМЗ на работу, о присылке материалов 13 пленума ИККИ и 6 съезда КПП и по др. вопросам. 01.01.1934 — 22.12.1934 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 123. Д. 206; Переписка Представительства КПП при ИККИ с Представительством КПЗБ и КПЗУ о переводе в ВКП(б), о признании политэмигрантами лиц, прибывших из Западной Белоруссии, о проверке студентов Белорусского сектора КУНМЗ, о помощи семьям коммунистов, находящихся в польских тюрьмах и по др. вопросам. 7 января 1936 г. — 28 ноября 1936 г. // Там же. Д. 228; Докладная записка, заключения и статистические сведения Представительства КПП при ИККИ о проверке политэмигрантов из Западной Белоруссии. 1 марта 1937 г. — 26 июня 1937 г. // Там же. Д. 248; Докладная записка и заключения, составленные Представительством КПП и Представительством КПЗБ на бывших участников партизанского движения на территории Западной Белоруссии в 1923–1925 гг. с приложениями. 22.03.1937 — 05.04.1937 // Там же. Д. 249; Списки документов КПП, КПЗУ и КПЗБ, присланных в Представительство КПП при ИККИ, коды и шифры для переписки с ЦК КПП, КПЗУ и КПЗБ. 03.01.1937 — 13.06.1937 // Там же. Д. 254.

⁵ Савіч А. А. Фракцыйная барацьба ў КПЗБ: гістарыяграфія і перспектывы навуковага асэнсавання // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. № 2. Т. 9. С. 54–63; Савіч А. А. Айчынная гістарыяграфія гісторыі Заходняй Беларусі 1921–1939 гадоў. Брэст, 2019. С. 15, 20.

⁶ Политические партии в Польше, Зап. Белоруссии и Зап. Украине. Минск, 1935. С. 265–266.

⁷ Лочмель И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. М., 1940. С. 129, 130, 133.

⁸ Горбунов Т. Воссоединение белорусского народа в едином советском социалистическом государстве. М., 1948. С. 119, 120, 137.

Совместное заявление компартий Советского Союза, Италии, Болгарии, Финляндии и Польской объединенной рабочей партии в ходе XX съезда КПСС о необоснованности предъявленных в 1938 г. КПП обвинений и их снятии осуществило политическую реабилитацию компартии Польши и ее составных частей — компартий Западной Беларуси и Западной Украины⁹, создавая условия для объективизации, расширения и углубления их истории. В сложившейся общественно-политической ситуации, в обстановке борьбы с культом личности факт роспуска КПП рассматривался как одно из очевидных злодеяний И. Сталина, а признание необоснованности роспуска партии требовало ее научно-исторической реабилитации. Это в полной мере касалось и КПЗБ, исследованием истории которой в конце 1950-х гг. начали активно заниматься в Белорусской ССР с привлечением широкого круга научных кадров и ранее недоступных источниковых ресурсов¹⁰.

Однако существенного фактографического наполнения темы роспуска КПП не произошло. В советской историографии после XX съезда КПСС в качестве теоретической основы использовалась представленная в вышеуказанном заявлении схема (лапидарность ее формулировок ограничивала исследователей истории КПЗБ). В принятом решении привлекает внимание фраза о том, что обвинение КПП в «широком проникновении вражеской агентуры в ряды ее руководящего партийного актива... было основано на материалах, фальсифицированных разоблаченными впоследствии провокаторами»¹¹. Однако нигде не были названы конкретные лица, создавшие фальшивую документальную базу, послужившую поводом к уничтожению трех компартий (КПП, КПЗБ, КПЗУ). Возникла неразрешимая в тех условиях противоречивая ситуация. С одной стороны, были известны имена репрессированных в 1930-х гг. лидеров коммунистического движения в Польше, с другой стороны, все они в ходе последовавшей после смерти И. Сталина реабилитации были оправданы как незаконно репрессированные.

Именно поэтому издания ограничивались формулировкой центральных комитетов пяти партий о необоснованности решения Исполкома Коминтерна 1938 г. Как правило, этот скупой контент дополнялся информацией номинального характера о репрессиях партийных лидеров и намерении членов распущенной партии продолжать борьбу с «польским фашизмом». Например, в 1966 г. коллективная монография по истории КПЗБ сообщала о роспуске компартии Польши и ее составных частей в «обстановке несомненных успехов по созданию единого рабочего и антифашистского народного фронта», упомянув факт предшествовавших роспуску репрессий в 1937 г. партийных лидеров в Москве, Минске, Киеве и других городах; назывались их имена, утверждалась мысль об организованном осуществлении роспуска партии ее руководящим активом, воспитанным в строгой партийной дисциплине¹². Лаконичностью характеризовались и другие публикации, в концептуальном плане не отличаясь от приведенной схемы¹³. При этом, отводя

⁹ Заявление // Правда. 1956. 21 февр.

¹⁰ Савіч А. А. Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі (1921–1939 гады): гістарыяграфія праблемы. Брэст, 2012. С. 45–83.

¹¹ Заявление // Правда. 1956. 21 февр.

¹² Революционный путь Компартии Западной Белоруссии (1921–1939 гг.). Минск, 1966. С. 373–374.

¹³ Зелинский П. И. Политическая работа Коммунистической партии Западной Белоруссии в массах, 1923–1938. Минск, 1986. С. 23–24; Клейн Б. С. За дело правое: Борьба КПЗБ с буржуаз-

от компартии упреки в наличии оснований для открытого и тайного сотрудничества отдельных ее членов с официальными польскими органами, публикации акцентировали внимание на известных примерах борьбы КПЗБ с террором властей и подосланными в нее польской полицией и дефензивой провокаторами, в первую очередь на убийстве С. Притыцким провокатора в зале суда¹⁴.

С конца 1950-х по 1980-е гг. в белорусских советских периодических изданиях и историографии активно формировался культ западнобелорусского революционера-подпольщика, борца за счастливую социалистическую жизнь, верного сына белорусского народа, последовательного интернационалиста, который не щадил своей жизни ради завоевания светлого будущего для своего народа. В идейно-политической ситуации того времени весомым было мнение ветеранов КПП и КПЗБ, участников революционного движения в Западной Беларуси, которые до второй половины 1950-х гг. вынуждены были жить с навешенными на них ярлыками ненадежных элементов и даже предателей, терпеть недоверие и подозрение со стороны партийно-государственного руководства и советской общественности.

Со второй половины 1950-х гг. в печати постепенно стали появляться отдельные сведения и подборки воспоминаний участников революционного движения в Западной Беларуси¹⁵. Их анализ выявляет недостаточную информативность и скупость сообщений о реальных событиях внутривнутрипартийной жизни второй половины 1930-х гг., связанных с роспуском компартий Польши и Западной Беларуси. Несмотря на известную личную заинтересованность в объективном рассмотрении темы роспуска партии, авторы мемуаров не сосредотачивались на ней, затрагивая данную проблему вскользь. Как правило, мемуаристы делились личными размышлениями о неопределенности своего положения в реалиях второй половины 1930-х гг., о неясности ситуации в партии в целом, об основанных на слухах неприятных предположениях о возможном прекращении деятельности партии. Очень важно отметить, что, несмотря на столь неблагодарный и несправедливый поступок со стороны Коминтерна и советского руководства, члены уже распущенной партии выражали свое понимание текущего момента, подтверждая свою приверженность идеалам и верность политическим силам, в соответствии с указаниями которых была распущена КПЗБ. Конечно, ни ученые, ни мемуаристы не могли говорить о репрессиях против лидеров бывших партий и недоверии к ним со стороны советского руководства. Они иногда лишь упоминали о «слухах об осуждении в СССР некоторых лидеров Коммунистической партии Польши и Западной Белоруссии, которых обвиняли в невероятных преступлениях»¹⁶.

Ветераны компартии Западной Беларуси ограничивались констатацией факта роспуска партии, выражая свое удивление и смятение в связи с таким неправиль-

ным террором. Минск, 1986. С. 158; *Ладысев В. Ф.* В борьбе за демократические права и свободы: Из исторического опыта Компартии Западной Белоруссии. 1926–1938 гг. Минск, 1988. С. 176–179; *Мацко А. Н.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии против гнета буржуазии и помещиков (1918–1939 гг.). Минск, 1972. С. 325; *Полуян В. А.* Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927–1939 гг.). Минск, 1978. С. 323.

¹⁴ Революционный путь Компартии Западной Белоруссии... С. 356–357; *Мацко А. Н.* Революционная борьба трудящихся Польши и Западной Белоруссии... С. 254.

¹⁵ *Савіч А. А.* Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі... С. 45–46, 50.

¹⁶ Вильнюсское подполье: Воспоминания участников революционного движения в Вильнюсском крае (1920–1939 гг.): Сб. воспоминаний. Вильнюс, 1966. С. 163.

ным, неуместным и в то же время трагическим решением. В мемуарах ничего не сказано о причинах такого исхода, лицах и фактах, которые более полно бы раскрывали тему. При этом некоторые бывшие члены КПЗБ в своих воспоминаниях сообщили об обсуждении в 1938 г. в узком партийном кругу (в том числе находясь в тюрьме) причины роспуска партии. «Летом 1938 года... Каросас... на кратком заседании сообщил нам, почему распускаются Компартия Польши и КПЗБ», — вспоминал М. Алькина¹⁷, не говоря, однако, как и другие ветераны-мемуаристы на страницах опубликованных воспоминаний, о причинах роспуска партии. Такая ситуация объясняется эффективным контролем за процессом написания и публикации мемуаров со стороны партийно-государственных цензурных инстанций, а также со стороны наиболее доверенных ветеранов КПЗБ. Воспоминания участников революционного движения тоже явно редактировались. Например, в предисловии к одному из сборников мемуаров от имени редакторов и составителей выражена «глубокая благодарность» бывшим руководящим работникам КПЗБ Н. Орехово и Д. Розенштейну за ценные замечания к воспоминаниям первой части книги в процессе ее подготовки к печати¹⁸.

Партийно-идеологическому аппарату БССР требовались во всех отношениях выдержанные свидетельства очевидцев «славной революционной борьбы». Для получения необходимого результата ответственные научные работники вынуждены были идти на прямой подлог, не только исправляя, но и полностью составляя мемуары ветеранов революционного движения в Западной Беларуси, как например в процессе подготовки воспоминаний и составления сборника «В суровые годы подполья» (Минск, 1958). В частности, в плановую работу составителей, кроме поиска бывших членов КПЗБ, выявления и определения степени их участия в революционной борьбе по архивным материалам, входили «организация воспоминаний» с выездом в районы проживания «намеченных» авторов, беседы с ними по содержанию воспоминаний, проверки фактического материала по архивным и другим источникам путем переписки, личных встреч и совещаний составителей с группами авторов. В результате такой работы были получены рукописи воспоминаний, часть мемуаров после соответствующей литературной правки и редакции оказалась приемлемой для включения в сборник. Большинство же воспоминаний подверглось «коренной литературной обработке, а многие писались заново. Эта работа в значительной степени выполнялась составителями»¹⁹.

Таким образом, ветераны хоть и не скрывали недоумения и обиды за несправедливое огульное решение, но не оспаривали роспуск партии и его обоснованность. На этом фоне выделялась А. Бергман, польская исследовательница, ветеран КПЗБ, которая, с одной стороны, только назвала фамилии репрессированных в СССР западнобелорусских коммунистов и национально-культурных деятелей²⁰, а с другой стороны, автор (как и ее муж), пройдя через сталинские лагеря, глубоко переживая роспуск КПП и КПЗБ как факт личной и общепартийной драмы, искала

¹⁷ Там же. С. 359.

¹⁸ В борьбе за счастье народное // Люди нарочанского края. Минск, 1975. С. 8.

¹⁹ Переписка по сборнику воспоминаний «В суровые годы подполья» (об участниках КПЗБ). 15.01.1958 — 31.12.1958 // Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 1440. Оп. 1. Д. 137. Л. 8.

²⁰ *Bergman A. Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984. S. 165, 218, 235, 247, 272.*

ответы на сложные вопросы, которые не могли быть четко сформулированы в условиях коммунистической Польши. А. Бергман обращается к внутривнутрипартийным спорам, выставляя претензии к выжившим партфункционерам, в первую очередь к вышеупомянутому Н. Орехово, фактически обвиняя его в причастности к развертыванию репрессий против белорусских национальных организаций и КПЗБ. Аналогичные обвинения автор предъявляет руководству КПП, активно содействовавшему, в частности, постановке вопроса о национал-оппортунизме в КПЗБ²¹.

Современная белорусская историография, несмотря на очевидные успехи в совершенствовании научной картины истории Западной Беларуси 1920–1930-х гг. и коммунистического движения на ее территории, не демонстрирует предметного интереса к истории партии в целом и теме роспуска КПЗБ в частности, в основном солидаризируясь с формулировками, распространенными в период со второй половины 1950-х по 1980-е гг., о необоснованности и несправедливости роспуска КПП и ее составных частей²². Исключением являются публикации А. Пашкевича и А. Чернякевича о двусторонних контактах представителей белорусского движения с польскими спецслужбами²³. В отношении этой проблемы важно отметить заметное отставание белорусской историографии от российской, которая еще в конце 1980-х гг. имела основательные публикации, в первую очередь Ф. Фирсова и И. Яжборовской²⁴, по различным аспектам истории Коминтерна, ВКП(б) и роспуска КПП.

Утверждение незаконности роспуска КПП выдвигает на первый план вопрос обоснованности принятого в 1938 г. Исполкомом Коминтерна решения. Причем требуется его внятное квалифицированное научное подтверждение или опровержение. В связи с этим необходимо иметь в виду исследование польского историка А. Пэплоньского, в котором содержатся очевидные подтверждения обоснованности роспуска КПП в силу проникновения в ее ряды польской агентуры. По мнению автора, эффективность борьбы польских спецслужб со шпионской, подрывной антигосударственной деятельностью в большой мере зависела от степени выявления центральных звеньев КПП. Анализ конфиденциальной сети варшавской полиции свидетельствует о достаточно существенном охвате партийных организаций. В июле 1936 г. в партийных ячейках КПП на территории Варшавы действовали 35 штатных сотрудников политической полиции, выполнявших разные партийные функции. Среди них преобладали секретари, члены исполкомов, инструкторы, техники и связные районного и окружного уровня. Некоторые агенты осели в центральных органах КПП и Международной организации помощи борцам революции (МОПР). Среди прочих контакты с полицией имел руководитель типографии Центральной техники КПП (так называлась важнейшая структурная единица, обеспечивавшая материально-техническую деятельность партии). Политическая полиция создала сеть из 14 информаторов, не являвшихся членами партии, некото-

²¹ *Bergman A.* Na marginesie wspomnień Mikołaja Orechwy // “Przegląd Historyczny”. 1985. No. 4. S. 855–859.

²² *Савіч А. А.* Нацыянальна-вызваленчы рух у Заходняй Беларусі... С. 191.

²³ *Чернякевіч А.* Ад супрацоўніцтва да здрады: беларускі рух і II аддзел Польскага Генеральнага штабу 1919–1939 гг. // Гістарычны альманах. 2007. Т. 13. С. 13–46; *Пашкевіч А.* Чалавек з-за шыры: спроба высвятлення таямніцы “Старога” // Гістарычны альманах. 2010. № 16. С. 59–87.

²⁴ *Фирсов Ф. И., Яжборовская И. С.* Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 11. С. 20–35; № 12. С. 40–55.

рые из них выполняли соответствующие задания в ЦК КПП, поддерживая контакты с партийными активистами и получая данные о персональных делах, ситуации в военном отделе ЦК, центральной редакции и структурах Центральной техники КПП. Из сообщений органов государственной полиции получалось, что в середине 1936 г. в стране действовало более 800 конфиденентов, являющихся членами польской компартии, комсомола и других коммунистических организаций. Из них 150 имели партийные псевдонимы. Более 1500 конфиденентов контактировали с членами партии. В целом конфиденциальная полицейская сеть, охватывавшая коммунистические организации, насчитывала более 2500 конфиденентов и информаторов. Наибольшее количество тайных сотрудников имели полицейские участки восточных воеводств: Полесское — 665 человек, Львовское — 335, Тарнопольское — 250, Вольнское — 228, Виленское — 124. По утверждению А. Пэплоньского, существующая информационная сеть обеспечивала возможность отслеживания всех форм партийной работы и планирования репрессивных акций, красноречиво свидетельствуя об эффективной деятельности полиции²⁵.

Фактография и интерпретация А. Пэплоньского находят подтверждение в анализе выявленных архивных документов, касающихся организационного состояния КПЗБ в 1930-х гг., достоверность информации которых подтверждается статусом авторов — партийных функционеров КПЗБ, заинтересованных в надлежащей постановке партийной работы в Западной Беларуси. И хотя в условиях постоянных внутрипартийных споров можно допускать желание критики со стороны недоброжелателей-конкурентов, все же на основании осмысления общественно-политических тенденций «кресов» (*польск.* kresy — край, окраина, в данном случае территория Западной Беларуси) нижеприведенную информацию нужно принимать во внимание. Она выявляет условия и причины трансформации политических взглядов и жизненных приоритетов не только рядовых членов КПЗБ, но и ее руководящих кадров. Например, в одном из писем из западнобелорусского коммунистического подполья в Представительство ЦК КПЗБ в Минске в 1936 г. сообщалось о том, что «Б. — член Новогрудского ОК КСМ (Окружной комитет Коммунистического союза молодежи Западной Беларуси. — А. С.), провокатор, Ф. К. был видным партийным работником, но был арестован, сильно били в полиции, подписал протокол в дефензиве о сотрудничестве, но после выпуска явился в партию и все рассказал»²⁶. Письмо 1934 г. из Новогрудского окружка КПЗБ сообщало о недоброжелательной социально-экономической ситуации в крае, которая в поисках средств существования заставляла демонстрировать свою лояльность властям, неудивительно, что «молодежь преимущественно была втянута в фашистские организации, молодежь шла только ради работы, что негде было заработать, а там давали работу». Как результат, «было два сыпача (предателя. — Авт.), которые в этих арестах всыпали все, что у нас готовилось... член ОК сыпал и член РК (райком. — Авт.)»²⁷.

При этом необходимо отметить, что организационные сложности сопровождали КПЗБ и на протяжении 1920-х гг. Так, в отчете конца 1920-х гг. сообщается о том,

²⁵ *Peploniski A. Kontrwywiad II Rzeczypospolitej. Warszawa, 2002. S. 84, 85.*

²⁶ Отчеты, информации и материалы опроса работников Новогрудского округа о состоянии работы партийных и комсомольских организаций и о положении в округе // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 14.

что Жабинковский райком партии «благодаря саботажу ответственного секретаря района почти совсем распался. Повлияло распаду и письмо одного товарища, бывшего функционера окружного комитета, который написал из тюрьмы к ним, чтобы не работали, а были осторожнее, потому что городской пролетариат ничего не делает, а потому и им не надо делать. На конференцию ответственный секретарь не захотел прийти и его выключили из партии... Организации уже два месяца ничего не делали, несмотря на то что на конференциях представитель заявлял, что у них работа идет хорошо»²⁸. Удручающая ситуация на местах возникла вследствие активизации полиции и дефензивы, а также успешных действий по борьбе с подрывными элементами и вследствие длительной внутрипартийной фракционной борьбы в КПЗБ между сторонниками «варшавского» ЦК КПП и «белорусоцентричными» членами партии²⁹. Ухудшению организационного состояния, внутрипартийной дисциплины и способности партии к выполнению поставленных Минском и Москвой задач способствовали и репрессии в СССР по отношению к деятелям революционного движения в Западной Беларуси в начале и середине 1930-х гг.

Неудивительно, что сообщения из западнобелорусских коммунистических организаций пестрели информацией о неприемлемой для советско-коминтерновского руководства ситуации на местах. В частности, в июле 1934 г. в Представительство КПЗБ в Минске о работе КПЗБ сообщалось: «...в районах Столин, Лисоцк, Домбровица, Сарны слишком слабая. Провалы 1932 г., разрушившие благодаря провокации ряд районных организаций, дают себя чувствовать на каждом шагу. От лета 1932 г. эти организации живут без связи с окружным комитетом. Такое положение в условиях страшной провокации и полицейского террора положило на местные организации свою негативную печать. Многие наши активисты отстали от работы, мотивируя, что они больше не могут, “устали”. Ряд легальных активистов подписали декларации на конфиденентов или стали открытыми провокаторами. В одном только Высоцке: 1) бывший член РК и секретарь Р. Тимофей (псевдо[ним] парт[ийный] Шелест, не нужно смешать его со столинским Шелестом по фамилии, тоже бывшим сель.-раб. активистом, который по слухам подписал декларацию на конфиденента) — имевший за собою нескольколетний партстаж и 4 года тюрьмы, легальный работник, активист в сельробе (революционно-демократическая организация, действовавшая в Западной Украине и прилегающих белорусских территориях. — *Авт.*) с 1929 г., перешел на сторону полиции и разгромил ряд организаций. В настоящее время является активным провокатором, правой рукой столинского “следчего”, и терроризирует окружающее население. 2) Б. активный работник КСМ — теперь открытый провокатор. 3) Н. Леонтий, бывший член подрайонного Высоцкого комитета — открытый провокатор. 4) М. Василий, бывший член комсомольской ячейки — конфиденент. Этот провокаторский рак на организме местной организации настолько развился, что есть ячейки, которые поголовно перешли на службу полиции»³⁰.

Недопустимая ситуация сложилась в Белостоке, где в начале 1930-х гг. активизировалось забастовочное движение текстильщиков. Возмущение руководства

²⁸ Отчеты, информации и материалы опроса работников Новогрудского округа... Д. 26. Л. 13.

²⁹ Савіч А. А. Фракцыйная барацьба ў КПЗБ: гістарыяграфія...

³⁰ Резолюции и письма ЦК КПЗБ, материалы к докладам и выступлениям Роберта и др. (1930–1935) // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 1. Д. 333. Л. 39–40.

КПЗБ вызывал тот факт, что во главе забастовки стал бывший партфункционер, «известный провокатор, ныне социал-фашист Богдан, руководитель Белостокского союза текстильщиков, бывший когда-то секретарем Белостокского ОК, членом ЦК, пользовавшийся тогда огромным авторитетом среди белостокских рабочих и за последнее время свой авторитет восстанавливающий. Надо сказать, что особенно благодаря этой забастовке авторитет социал-фашизма, который за последнее время был сильно подмочен, снова поднялся»³¹. Из текста явствует, что авторитет Богдана в рабочей среде упал вследствие его тесного сотрудничества с коммунистами. Такого рода ситуацию необходимо рассматривать сквозь призму работы VI Конгресса Коминтерна, который развил так называемую «теорию социал- и национал-фашизма», призывая бороться как с открыто реакционными (фашизм), так и демократически-реформистскими (социал-демократия) силами.

Относительно методики деятельности государственных органов, полиции и дефензивы характерными являются примеры, когда революционно настроенным деятелям, членам КПЗБ, вожакам революционного движения польские власти содействовали, улучшая их хозяйственно-экономическое положение, в том числе выделяя ссуды и более плодородные участки земли³².

Очевидно, что решение о роспуске КПП и КПЗБ И. Сталиным, который в 1924 г. способствовал организационному укреплению КПЗБ, санкционируя создание Бюро помощи КПЗБ при ЦК компартии большевиков Беларуси³³, принималось исходя из наличия провокаторов в КПЗБ, а также из отсутствия реального результата деятельности партии. Например, по сведениям одного из членов ЦК КПЗБ т. Юрки (А. Ольшевский) за 1936 г., «в большинстве организаций ребята пока что работают по-прежнему. Живет ячейка, собирается от поры до времени, когда приходит член ОК и требует созвать заседание, послушают они то, что он расскажет и разойдутся. Райкомы у нас обыкновенно собираются тогда, когда этого требует член ОК или секретарь ОК. А если к ним никто не приедет, то комитеты в большинстве случаев и не собираются. Поэтому там, где подобрались люди активные, развитые, там, конечно, и районная организация работает неплохо. Но таких комитетов у нас мало. Когда мы после некоторого перерыва связались со Слонимщиной, то мы увидели, что почти везде райкомы партии и комсомола не собирались ни разу. Пришлось создавать новые комитеты, потому что люди не помнили, кто был в старых»³⁴.

Вялость, пассивность, отсутствие дисциплины усиливали скептическое отношение советских кураторов к польским коммунистам, в том числе и к западнобелорусским, подчеркивая их ненужность и даже вредность в ситуации уверенности в разрешении польского вопроса вооруженным путем, который становился все более явственным в условиях усиления реваншизма гитлеровской Германии.

³¹ Отчеты, резолюции, информации и письма ЦК КПЗБ и переписка краевого бюро ЦК КПЗБ с Представительством и округами о положении в КПЗБ // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 1. Д. 47. Л. 4.

³² Там же. Л. 15.

³³ Переписка Представительства Компартии Западной Белоруссии с ГПУ Белоруссии и разными лицами о революционном движении в Западной Белоруссии; письмо члена ЦК Компартии Польши в Политбюро ЦК РКП(б) о создании бюро помощи Компартии Западной Белоруссии // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 32. Л. 6.

³⁴ Доклад (члена ЦК Компартии Западной Белоруссии) о положении в Западной Белоруссии // НАРБ. Ф. 242п. Оп. 2. Д. 562. Л. 36, 37.

Даже если не принимать во внимание имевшие место случаи составления отчетов-доносов агентами и конфидентами за денежное вознаграждение, картина разгрома коммунистического движения вследствие «широкого проникновения» в его ряды польской агентуры была впечатляющей. Иллюстрацией этого являются сведения польских спецслужб, благодаря которым, в частности, была получена подробная информация для отдела безопасности Виленского воеводского управления от 27 января 1933 г. об организационном и персональном составе Виленского окружного комитета КПЗБ с указанием имен и партийных псевдонимов руководителей окружного и районных комитетов, рядовых членов партии и даже малоактивных — «нечинных» (*польск.* *nieczynnych*), длительное время не участвовавших в партийной деятельности³⁵.

Существенным успехом польских спецслужб в середине 1930-х гг. стали фактическое разложение и паралич коммунистического подполья из-за массового наводнения «провокаторскими элементами» коммунистических организаций, вплоть до сельских ячеек. Информация многочисленных агентов и конфиденгов, работавших под псевдонимами, как например, Шаляпин, Фрумкин, Метла, Ваня, ЩурА, Яворовский, Костя Каштан и другие, была разноплановой и касалась как самых важных организационно-кадровых, так и мелких материально-технических аспектов коммунистического подполья Западной Беларуси³⁶.

Отметим, что вопрос прекращения деятельности КПЗБ следует рассматривать в связи с политическими репрессиями в БССР в начале 1930-х гг., в первую очередь в результате арестов летом — осенью 1933 г. революционеров Западной Беларуси, в том числе оказавшихся в СССР в результате обмена политзаключенными. Еще в 1935 г. недоверие к КПЗБ со стороны НКВД было реализовано в виде сужения возможностей конспиративных связей с территорией БССР. 3 декабря 1935 г. руководители советских пограничных подразделений получили от командования секретную зашифрованную телеграмму, в соответствии с которой было необходимо срочно устранить «все особые переправы КПЗБ», аннулировать «все ранее действовавшие правила, принятые пароли для въезда в СССР из Польши по линии МОПРа или других организаций (Коминтерн)»³⁷.

³⁵ Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления Министерству внутренних дел об общественно-политическом движении на территории воеводства за 1-е полугодие 1933 г. // Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО). Ф. 200. Оп. 2. Д. 12. Л. 32–39.

³⁶ Информация поветовой коменды и переписка с постерунками о деятельности подпольной коммунистической организации в Столинском повете, о разведывательной и диверсионной работе. Списки лиц, подозреваемых в деятельности, направленной против существующего строя Польши на территории Столинского повета и списки членов ревкома, проживающих в районе деревни Теребежов // Государственный архив Брестской области. Ф. 2028. Оп. 1. Д. 38; Информация поветовой коменды о деятельности подпольной коммунистической организации, о наблюдении за отдельными гражданами и др. Списки перебежчиков из СССР в Польшу // Там же. Оп. 1. Д. 246; Информация поветовой коменды, донесения полицейских и агентов полиции, переписка с комендатурой о деятельности подпольной коммунистической организации, политических партий Польши, о разведывательной и диверсионной работе, о случаях перехода границы, о розыске членов коммунистической партии и коммунистического союза молодежи // Там же. Оп. 1. Д. 265; Оперативные сводки Новогрудского воеводского управления Министерству внутренних дел об общественно-политическом движении на территории воеводства за 2-е полугодие 1933 г. // ГАГО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 13.

³⁷ *Протьюко Т. С.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.). Минск, 2002. С. 47.

Таким образом, организационное состояние КПП и КПЗБ в 1930-х гг. на основании как внутривнутрипартийной документации, так и сведений польских спецслужб характеризуется существенным ослаблением ее рядов не только в силу подрывной, провокационной деятельности польских властей, но и в результате эволюции идейных убеждений ее членов, которые отходили от партийной работы, шли на сотрудничество с польскими властями, разочаровываясь в коммунистических идеалах. Такого рода трансформации зачастую сопровождались переходом на конфиденциальные отношения с польской полицией и дефензивой, активно внедрявших в ряды компартии свою агентуру. Осуждая репрессивную сущность и незаконность роспуска КПП и ее составных частей, отметим, что разноплановая информация как об увеличении внутри партии случаев провокации, так и о засланных польскими спецслужбами агентах, по разным каналам доходившая до высшего советского партийно-государственного руководства, послужила основанием для обвинения КПП и КПЗБ в «засоренности шпионами и провокаторами».

References

- Bergman A. Na marginesie wspomnień Mikołaja Orechwy. *Przegląd Historyczny*, 1985, no. 4. pp. 855–859.
- Bergman A. *Sprawy białoruskie w II Rzeczypospolitej*. Warszawa, PWN, 1984, 288 p.
- Charniakovich A. From Cooperation to Betrayal: The Belarusian Movement and the II Division of the Polish General Staff 1919–1939. *Gistarychny al'manah*, 2007, vol. 13, pp. 13–46. (In Belarussian)
- Firsov F. I., Iazhborovskaia I. S. The Comintern and the Communist Party of Poland. *Voprosy istorii KPSS*, 1988, no. 11, pp. 20–35. (In Russian)
- Firsov F. I., Iazhborovskaia I. S. The Comintern and the Communist Party of Poland. *Voprosy istorii KPSS*, 1988, no. 12, pp. 40–55. (In Russian)
- Il'kevich N. N., Platonov R. P. *Alexander Ulyanov and the NKVD version of the anti-Soviet underground in the BSSR (falsification of criminal cases by the NKVD bodies in 1937–1938)*. Minsk, BelNIIDAD Publ., 1997, 100 p. (In Russian)
- Gorbunov T. *Reunification of the Belarusian people in a single Soviet socialist state*. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit. Publ., 1948, 232 p. (In Russian)
- Klein B. S. *For a just cause: The struggle of the KPZB with bourgeois terror*. Minsk, Belarus' Publ., 1986, 175 p. (In Russian)
- Ladysev V. F. *In the struggle for democratic rights and freedoms: From the historical experience of the Communist Party of Western Belarus. 1926–1938*. Minsk, Belarus' Publ., 1988, 189 p. (In Russian)
- Lochmel' I. F. *Essay on the history of the struggle of the Belarusian people against Polish lords*. Moscow, Voenizdat Publ., 1940, 163 p. (In Russian)
- Macko A. N. *The revolutionary struggle of the working people of Poland and Western Belarus against the oppression of the bourgeoisie and landowners (1918–1939)*. Minsk, Belarus' Publ., 1972, 335 p. (In Russian)
- Pashkevich A. The man behind the screen: trying to find out the mystery of the “Old”. *Gistarychny al'manah*, 2010, no. 16, pp. 59–87. (In Belarussian)
- Peptowski A. *Kontrwywiad II Rzeczypospolitej*. Warszawa, Dom wydawniczy Bellona, 2002, 376 p.
- Poluian V. A. *Revolutionary Democratic Movement in Western Belarus (1927–1939)*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978, 359 p. (In Russian)
- Prof'ko T. S. *The Formation of the Soviet Totalitarian System in Belarus (1917–1941)*. Minsk, Tesei Publ., 2002, 688 p. (In Russian)
- Savich A. A. *Domestic historiography of the history of Western Belarus 1921–1939*. Brest, BrDU im. A. S. Pushkina Publ., 2019, 300 p. (In Belarussian)
- Savich A. A. *National Liberation Movement in Western Belarus (1921–1939): Historiography of the Problem*. Brest, BrDU Publ., 2012, 288 p. (In Belarussian)

- Savich A. A. Fractional Struggle in the CPWB: Historiography and Prospects for Scientific Understanding. *Vesnik Grodzenskaga dziazhaŭnaga ŭniversiteta im. Ianki Kupaly. Ser. 1. Gistoryia i arhealogiia. Filasofiiia. Palitalogiia*, 2017, no. 2, vol. 9, pp. 54–63. (In Belarussian)
- Valahanovich A. I., Mihniuk U. M. *Confession in the hope of staying alive: an autobiography of Bronislaw Tarashkevich*. Minsk, BelNDIDAS Publ., 1999, 200 p. (In Belarussian)
- Zelinskii P. I. *The political work of the Communist Party of Western Belarus among the masses, 1923–1938*. Minsk, Universitetskoe Publ., 1986, 136 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2020 г.

Рекомендована в печать 8 июня 2020 г.

Received: February 22, 2020

Accepted: June 8, 2020